

СТАТУТ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО 1529 ГОДА В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ СВОЕВРЕМЕННОСТИ В ПРАВЕ И УПРАВЛЕНИИ

Н. М. Юрашевич

*заместитель директора Научно-исследовательского института теории и практики государственного управления, директор Центра исследований государственного управления, кандидат юридических наук, доцент
Академия управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь*

В статье раскрываются проблемы своевременности в праве и управлении, особенности оценки своевременности и принятия управленческих решений, соответствующих правовым установлениям. Анализируется роль Статута 1529 г. как документа, отразившего тенденции своевременности в праве и управлении данной исторической эпохи.

У артыкуле раскрываюцца праблемы своєчасовасці ў праве і кіраванні, асаблівасці ацэнкі своєчасовасці і прыняцце кіраўнічых рашэнняў, адпаведных прававых устанавленняў. Аналізуецца роля Статута 1529 г. як дакумента, замацаваўшага тэндэнцыі своєчасовасці ў праве і кіраванні дадзенай гістарычнай эпохі.

The article reveals the problems of timeliness in law and management, especially the assessment of timeliness and the adoption of managerial decisions in accordance with legal regulations. The role of the 1529 Statute as a document reflecting the trends of timeliness in the law and management of this historical era is analyzed.

Управление и право – две самостоятельные сферы жизнедеятельности общества, каждая из которых имеет собственный набор механизмов, средств, методов, способов функционирования, однако обладающих одинаковой целью своего предназначения – упорядочение общественных отношений. При этом упорядочение общественных отношений – процесс, протекающий по времени, обусловленный им, зависящий от него, упорядочение само по себе априори подразумевает своевременность.

При всем многообразии подходов к управлению, отсутствию общепризнанного понятия у исследователей нет разногласий в том, что управление осуществляется кем-то (субъект), с целью воздействия на кого-то/что-то (объект), посредством прямых и обратных связей между ними. Качество последнего (связей) – является показателем эффективности управления, а качество обусловлено, прежде всего, своевременностью связей.

Право, при многообразии типов правопонимания и отсутствии общепризнанного подхода с его сущности, все же объединяет исследователей идеей о том, что оно является самым эффективным из современных социальных регуляторов, благодаря обладанию им (правом) свойством формальной определенности. Однако свойство формальной определенности несет позитивный результат при условии осуществления правовой регламентации общественных отношений именно тогда, когда в этом назрела объективная необходимость, т.е. своевременно. Иначе право либо будет бессильно, т.е. содержать в себе набор правовых предписаний, которые не работают в жизни, либо нести разрушающее воздействие, поскольку отстающее или опережающее правовое регулирование, обладая свойством обязательности исполнения формализованного в нормативном правовом акте предписания, превращает право в архаичное либо «забегающее» вперед, но будучи обеспеченным государственным принуждением в случае его неисполнения, обязывает субъектов права к безусловному соблюдению правовых норм, не соответствующих уровню общественного развития и ожиданиям общества, т.е. несвоевременных.

Несвоевременность архаичного права влечет за собой торможение правового развития, а это значит и общественного развития в целом. Несвоевременность «забегающего» вперед права вообще нивелирует его предназначение регулировать общественные отношения, делает его «пустышкой», не обладающей социальной ценностью.

Так, и управление, и право «связаны» своевременностью.

Парадоксально, при всей общеупотребительности слова и социальной значимости явления, обозначаемого данным словом, в энциклопедических словарях «своевременность» не раскрывается. Первые попытки в этом направлении появляются благодаря исследователям времени, реализующим при Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова проект Web-института – Института исследований природы времени (<http://www.chronos.msu.ru/>), осуществляющим разработки, как самого времени, так и других темпоральных явлений. Так, профессором О.С. Разумовским предлагается рассматривать своевременность как «вид отношения и ситуация *соответствия* друг с другом во времени каких-то, как минимум, двух объектов, их аспектов разного рода, их свойств, состояний, форм, событий и др. ... реализуется всегда в виде совпадения во времени (синхронности) чего-то наличного и жизненно важного для развития и существования этих объектов с их действительным состоянием, а также с проявлением именно актуального, необходимого, потребного в них. ... появление у данного

объекта чего-то необходимого в цепи состояний и событий его существования в данный и нужный момент, отрезок времени и т.п. ... появление именно того, в чем есть потребность и необходимость по отношению к настоящему данного состояния или положению какого-то объекта, возникшего благодаря взаимодействию его с другим объектом, или его аспектами в ходе собственного изменения и развития» [4].

Своевременность в управлении, всегда подразумевается как что-то само собой разумеющееся, являющееся одним из критериев эффективности принятия управленческого решения, однако специально, отдельно не исследуется. Управленец, как правило, действует в условиях темпорального дефицита, обусловленного постоянной динамикой и интенсивностью изменений в общественных отношениях. Однако, это не какая-то новая задача, которую должен уметь решать управленец, такие способности должны быть ему органично свойственны, этим он и отличается от неуправленца, если он не обладает такими способностями, то можно закономерно вопрос о соответствии им занимаемой должности.

Способность принимать своевременные управленческие решения – неотъемлемый компонент профессиональной компетентности субъекта управления, а своевременность принятых им решений – важнейший критерий эффективности его деятельности. Человек с природными управленческими способностями априори способен принимать решения, адекватно оценив обстановку и возможную вариативность решений, в более короткий срок и с максимальной адекватностью ожиданиям других. Здесь оценка своевременности осуществляется посредством соотношения адекватности принятого решения текущему моменту, т.е. «сегодня на сегодня». Как в равной степени он способен и должен в отдельных случаях, принимая управленческое решение, кажущееся большинству неверным, неадекватным, «сжать» время, «увидеть» будущее, спрогнозировать последствия и с учетом этого принять адекватное текущему моменту с учетом перспективного развития объекта управления решение. В таком случае оценка своевременности осуществляется посредством соотношения адекватности принятого решения текущему моменту с учетом будущего, т.е. «сегодня на сегодня и завтра».

Однако наиболее сложным является принятие управленческого решения, которое не соответствует текущему моменту и, может быть, имеющему для объекта управления в настоящем времени негативные последствия, однако благодаря которому в будущем произойдет толчок в развитии и функционировании объекта, и негативные последствия настоящего будут ничтожны по сравнению с положительным

результатом, который наступит в будущем. В таком случае оценка своевременности осуществляется посредством соотношения адекватности принятого решения будущему моменту, т. е. «сегодня на завтра».

Описанные выше типы управленческих решений в зависимости от темпоральной составляющей, показывают уязвимость преобладающего представления о том, что своевременность – есть соответствие настоящему и его несостоятельность при анализе своевременности в управлении. Учитывая отмеченную возможную необходимость принятия управленческого решения «сегодня на завтра», думается, вполне уместно говорить о существовании так называемой «отложенной» своевременности в управлении.

Уникальность своевременности в управлении состоит в том, что в управленческих отношениях проявляется и формализованная сторона своевременности, и заложенная в ней оценочная компонента.

Формализованная сторона своевременности в управлении объективируется сроками, устанавливаемыми субъектом управления в управленческих документах и локальных актах или закрепляемыми в действующем законодательстве. Право – есть определяющий источник, и первоисточник, и «истина в последней инстанции», используя который, может быть сделан вывод о своевременности или несвоевременности управленческого воздействия.

А вот, когда своевременность формально не определена и не закреплена, например, в силу низкого качества правовой регламентации, отношений, которые должны содержать параметры своевременности, или вообще пробельности законодательства или какие-то управленческие процессы, в принципе, по своей природе не поддаются или слабо поддаются правовой регламентации, т.е. не могут или не должны быть правом урегулированы, тогда источником темпоральных пределов своевременности является оценка. При этом, оценочная компонента в управлении может быть с относительно выводимыми критериями своевременности и неопределяемая своевременность. Относительно выводимыми критериями своевременности служат общие нормы законодательства и темпоральные параметры деятельности объекта управления. Своевременность с неопределяемыми критериями – результат только профессиональной компетентности субъекта управления, «чутье» управленца.

Следует учитывать и то, что на разных уровнях управления, своевременность находится в разных темпоральных пределах, а ее неформализованная сторона в разной степени определенности.

На операционном (нижнем, оперативном) уровне управления решаются в основном многократно повторяющиеся или требующие оперативного реагирования на изменения текущей ситуации задачи.

Параметры своевременности на операционном уровне закладываются локальными нормативными правовыми актами и другими организационно-распорядительными документами субъекта управления. При необходимости решения заранее поставленных задач параметры своевременности формализованы, т.е. очерчены сроками, установленными либо руководителем более высокого уровня управления в пределах одной организации, либо законодательством, и, как правило, находятся в пределах от одного дня до месяца.

А вот при необходимости решения оперативных задач, возникающих в случае неплановой ситуации, входящей в компетенцию данного руководителя или при необходимости принятия дополнительного управленческого решения для обеспечения реализации уже поставленной задачи, параметры своевременности «сжимаются», т.е. чем быстрее (оперативнее) задача решена, тем своевременней. В таком случае пределы своевременности не формализованы сроками, оценка своевременности/несвоевременности принятия управленческого решения и его реализации даются руководителем более высокого уровня управления. Однако усмотрение руководителя более высокого уровня не является свободным от каких-либо темпоральных критериев. Очевидно, что на операционном уровне управления обеспечивается реализация более крупных задач, сформированных на функциональном уровне. Соответственно, установленные критерии своевременности для функционального уровня, задают пределы своевременности для операционного.

Функциональный (тактический, средний) уровень управления предполагает, как правило, выполнение заранее поставленных задач, формализованных в управленческих документах.

Параметры своевременности на функциональном уровне закладываются локальными актами и действующим законодательством, они заранее задаются: ставя задачу, устанавливаются сроки ее решения. На данном уровне управления самое важное – установить обоснованные, разумные, исполнимые сроки, которые, как правило, заключаются в пределах от 1 месяца до года. Здесь пределы своевременности, как правило, четко формализованы, что позволяет данному уровню управления посредством предсказуемости функционирования обеспечить стабильность деятельности любого объекта управления, с одной стороны, а с другой – обозначить пределы свободы усмотрения на операционном уровне, создать основу для органичного его

функционирования во обеспечение реализации общей цели объекта управления. В то же время функциональный уровень управления – платформа для своевременных решений на стратегическом уровне.

Стратегический уровень управления обеспечивает прогрессивное, в том числе рывковое развитие объекта управления, которым реализуются долгосрочные перспективы в деятельности объекта и (или) осуществляются революционные преобразования в его функционировании.

Тем самым критерии своевременности принятия управленческих решений на таком уровне либо установлены действующим в стране законодательством, либо вообще отсутствуют, т.е. они не то, что не формализованы, их вообще нет, их нужно установить или изменить действующее законодательство для того, чтобы принятие стратегического решения стало возможно.

Оценить своевременность или несвоевременность принятого на таком уровне управленческого решения сложно, здесь имеет место «отложенное действие» своевременности. Принимая управленческое решение в настоящий момент, субъект управления стратегического уровня прогнозирует последствия, которые наступят в будущем. Следовательно, оценка своевременности принятого стратегического решения напрямую обусловлена наступлением (благоприятных/неблагоприятных) или ненаступлением последствий от него. Так, на стратегическом уровне управления своевременность «закладывается» самим субъектом управления, им прогнозируется и формируется. Именно поэтому принимать своевременные решения на стратегическом уровне способен только руководитель с «чутьем» управленца.

«Чутье» управленца необходимо, чтобы в условиях вариативности выбора, предлагаемого законодателем, принять решение, единственно верное и в нужный момент, т.е. легитимное и своевременное стратегическое управленческое решение. При этом, если для операционного и функционального уровней управления право (действующее законодательство) – единственная, легальная основа для принятия и реализации решения, которое должно строго соответствовать действующему законодательству, то, как ни парадоксально, на стратегическом уровне управления право может вспомогательное значение. Право может находиться в числе тех препятствий, которые необходимо преодолеть для того, чтобы или принять и(или) реализовать стратегическое управленческое решение. В таком случае речь не идет об архаичном или «опережающем» праве, правовые предписания могут быть вполне своевременными, если оценивать «сегодня на сегодня»,

однако для стратегических управленческих решений определяющим является «сегодня на завтра». А это означает, что вполне может потребоваться «модернизация» права, т.е. разработка и принятие новых и(или) внесение изменений и дополнений в уже действующие нормативные правовые акты для еще неурегулированных правом общественных отношений и(или) уже находящихся под правовым воздействием, однако нуждающихся в изменении законодательных подходов к их правовой регламентации. Здесь право выступает средством, инструментом обеспечения возможности принять стратегическое решение, требующее революционных преобразований, не только в управленческой сфере, но в том числе и в правовой. Такие решения очевидно заключены в более «широкие» темпоральные пределы, носят дилататорский характер, являются многосторонними, состоят из множества этапов, одним из которых является приведение в соответствие стратегии принимаемого решения правового регулирования, т.е. создания легальной возможности принять решение. Однако важно понимать, что при всей вспомогательности права в подобных случаях, невозможно допускать его игнорирование. Создание легальной основы для решения – обязательный, неотъемлемый, неотменяемый никаким управленческим решением этап, только при (или после) осуществления которого, можно считать, принимаемое (принятое) решение легитимным. Иначе, каким бы прогрессивным не было принимаемое решение, если под ним нет легального основания, оно «мертво», т.е. не будет никогда реализовано или наказуемо.

Конечно, в подавляющем большинстве случаев принимаемые управленческие решения «укладываются» в уже действующее законодательство, ему подчинены, соответствуют правовым предписаниям, в нем содержащимся.

Принятие управленческого решения строго в соответствии с законодательством, прежде всего, в части соблюдения темпоральных требований, предъявляемых к нему, чаще всего формализуемых сроками, уже свидетельствуют о своевременности принятого решения.

При этом обзор нормативных правовых актов показывает, что в них содержится огромное количество правовых предписаний с указанием на своевременность, оно буквально пронизано требованиями своевременности.

Своевременность в праве, как и в управлении, представлена как формализованной, так и неформализованной компонентами.

Требования своевременности, неформализованные темпоральными пределами, содержатся в большом количестве актов, имеющих высшую юридическую силу. Оценочное в праве, к ним

относится и «своевременность» с неформализованными параметрами, следует использовать в качестве средства юридической техники, только тогда, когда общественные отношения невозможно урегулировать типичными правовыми средствами, оно должно являться исключительным, а не закономерным средством правового регулирования. Иначе право не будет выполнять свою функцию – вносить определенность и предсказуемость в общественные отношения.

Но, как не удивительно, использование неформализованной формы своевременности в актах высшей юридической силы вполне оправдано. В конституции, кодексах, законах, декретах содержатся и могут содержаться общие нормы, конкретизируемые в подзаконных нормативных правовых актах. При условии, что подзаконных актах своевременность обретает конкретные темпоральные пределы посредством закрепления в них сроков, использование законодателем приема с указанием на оценочную компоненту своевременности вполне допустимо и необходимо. На уровне подзаконных актов право должно превращаться в мерило своевременности, подзаконными актами своевременность должна «раскрываться», объективироваться, т.е. из статуса явления с неформализованными свойствами превращаться в явление, имеющее законодательно закреплённые темпоральные пределы.

Органы государственного управления, являясь одновременно и нормотворческими органами в пределах своей компетенции, издавая нормативные правовые акты, реализация которых будет обеспечиваться ими же самими, включают в них правовые темпоральные предписания неопределённого содержания, для адекватного применения которых на практике потребуются дополнительные инструменты, усилия с постоянным риском неадекватно осуществить толкование нормы, самостоятельно формируя пределы своевременности.

Нельзя не отметить, что доказанная обусловленность своевременности в управлении своевременностью в праве, дополняется и обусловленностью правовой своевременности управленческой своевременностью.

Как раз своевременно принятое управленческое решение о необходимости разработки и принятия нового нормативного правового акта, направленного на регулирование новых общественных отношений или о внесении изменений и дополнений в уже существующие – есть залог своевременности правотворчества. Важнейший принцип правотворчества – его своевременность реализуется посредством управления.

Так, введение в действие Статута 1529 г. активизировало политическую (управленческую) жизнь сословия шляхты, упорядочение феодального судоустройства и судопроизводства. Этот период для Великого княжества Литовского характеризовался не только активизацией общественного движения, но и противоборством различных религиозных течений. В связи с социально-политической активностью, а также новыми экономическими явлениями усиливалось общественное внимание к проблемам усовершенствования государственной жизни. Вопросы реформирования государства постоянно находились в поле зрения государственных деятелей и мыслителей, которые все более целенаправленно и своевременно начинали высказывать и обосновывать идеи справедливости и верховенства закона, отделения судебной власти от исполнительной и др. Именно поэтому, как отмечают ученые, сам процесс централизации ВКЛ и реформирования его политико-правовых институтов шел не через насилие (как, например, в Московском государстве), а посредством постепенной подготовки и проведения необходимых реформ, в том числе административно-территориальной, законодательной, судебной [1, с. 65–70].

Для Статута характерными были не только новая система размещения правового материала, но и своевременность, глубина правовой мысли, зарождение практики принятия последовательных управленческих решений.

Д. В. Щербик обращает внимание, что статуты ВКЛ являлись результатом преемственного развития права Великого княжества. Заимствованные нормы, привнесенные из Европы ценности Ренессанса и Реформации не преобладали в статутах, они приспособлялись к местным условиям [5, с. 135], отражая тем самым региональные тенденции своевременности в управлении и праве.

Т. И. Довнар справедливо отмечает, что Статут 1529 г. включал конституционные нормы, в которых регламентировался суверенитет Княжества, определялись prerogatives великокняжеской власти, права и обязанности сословия шляхты, в том числе вопросы «обороны земской» и многие другие актуальные и своевременные аспекты управления. Первый Статут внес значительный вклад в регламентацию деятельности органов государственной власти [2, с. 61].

В этой связи Н. В. Мисаревич заключает, что развитие любого государства на современном этапе характеризуется поиском собственных и наиболее эффективных путей реформирования и модернизации не только системы органов государственной власти, но и

правовой основы функционирования государственных институтов [3, с. 154].

Итак, своевременность – «мост» между двумя сферами – управлением и правом. Органично присутствуя в каждой из областей, являясь неотъемлемым условием функционирования, как управления, так и права, своевременность в одной области эффективно реализуема только посредством обеспечения своевременности в другой. Своевременность в управлении обеспечивается своевременностью в праве, а своевременность в праве – своевременностью в управлении. Практика управленческой и правовой действительности демонстрирует осуществляющийся в настоящее время поиск «золотой середины», оптимального соотношения между оценочной и формализованной компонентами своевременности. Необходимо осознать, что устранение проблем в одной области предполагает их уменьшение в другой. Однако максимальная результативность может быть достигнута только в случае, если, ориентируясь на решение проблем в области управления, учитывать состояние дел в правовой сфере и наоборот. В идеале требуются комплексные преобразования одновременно в обеих, что ко всему прочему опосредованно оптимизирует положение дел и в других областях жизни общества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Довнар Т.И. Основания и результаты систематизации законодательства в Великом княжестве Литовском в XVI в. // Актуальные проблемы гражданского права. 2013. № 1 (2). С. 65–99.
2. Довнар Т.И. Этапы и особенности в развитии законодательства Великого княжества Литовского // Актуальные проблемы теории и истории правовой системы общества. 2015. № 14 (14). С. 49–73.
3. Мисаревич Н.В. Статуты Великого княжества Литовского как прототипы современных конституций (на примере Конституции Республики Беларусь) // 20 лет Конституции России: актуальные проблемы развития правового государства. Иркутск. 2014. С. 154–159.
4. Своевременность // Словарь от О.С. Разумовского [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.chronos.msu.ru/TERMS/razumovsky_svoevremennost.html. Дата доступа: 12.09.2019.
5. Щербик Д.В. Значение статуты Великого княжества Литовского в преемственном развитии права // Вестник Полоцкого госуд. ун-та. Серия Д: Экономические и юридические науки. 2009. № 10. С. 132–135.